

ВЪ ЗАЩИТУ НАШЕГО ОБРАЗОВАНІЯ

„..... низкаго образованія, какъ образованія, кромѣ классическаго, нѣтъ и быть не можетъ.....“

Горбова.

(Письмо къ редактору.)

I.

Въ средѣ многочисленныхъ и разнообразныхъ враговъ классической системы образованія, съ такимъ трудомъ введенной въ наши гимназій, происходитъ великое ликованіе: ходятъ слухи о ея значительномъ сокращеніи, а можетъ-быть и совершенной отміи. Увѣряютъ, что „общественное мнѣніе“, такъ долго и тщетно высказывавшееся противъ этой системы, переубѣдило наконецъ и „высшія сферы“. Эти слухи, упорно распространяемые, колеблютъ нерѣшительныхъ и отбиваютъ у слабыхъ и безхарактерныхъ желаніе защищать свое мнѣніе, хотя бы и правильное. Я не знаю, какое настроеніе царствуетъ въ „высшихъ сферахъ“; трудно предположить, чтобъ она была дѣйствительно такъ велика, какъ рассказываютъ, но какое бы ни было это „настроеніе“, затронутый вопросъ такъ важенъ (отъ способа его рѣшенія зависитъ въ значительной степени будущность Россіи!), что каждому, могущему хотя отчасти разъяснить его, слѣдуетъ высказаться. Позволю тоже и себѣ сказать нѣсколько словъ объ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что мнѣ довелось стоять къ

нему очень близко именно въ 1871 году, во время обсужденія и утвержденія нынѣ дѣйствующаго гимназическаго устава.

Цѣль настоящей замѣтки состоитъ, конечно, не въ томъ, чтобы принципиально разсмотрѣть этотъ сложный вопросъ, что потребовало бы многотомной работы, а лишь въ томъ, чтобы устранить нѣкоторыя недоразумѣнія и представить нѣкоторыя фактическія данныя въ отвѣтъ на разпородныя обвиненія, которые снова печатно и устно пускаются въ ходъ противъ только-что установленной у насъ системы образованія.

Вопросъ о преимуществахъ образованія классическаго предъ *такъ-называемымъ образованіемъ* реальнымъ, конечно, одинъ изъ самыхъ запутанныхъ и самыхъ трудныхъ. Труденъ онъ потому, что загроможденъ массой недоразумѣній, потому что спорящіе стоятъ на совершенно различныхъ мнѣніяхъ, говорятъ, такъ-сказать, на двухъ различныхъ языкахъ, зачастую разумія подъ однимъ и тѣмъ же словомъ совершенно различныя понятія; конечно, при такихъ условіяхъ нелегко столковаться: одни—поклонники системы „реальной“—подъ словомъ „образованіе“ понимаютъ сообщеніе ученику извѣстнаго практическаго знанія, передачу ему болѣе или менѣе значительнаго количества фактовъ; другіе,—классики, тѣмъ же словомъ выражаютъ преимущественно развитіе умственныхъ способностей ученика, дисциплинированіе ихъ для подготовленія его къ служенію наукѣ и государству. Это двѣ цѣли совершенно различныя, двѣ задачи нисколько не тождественныя, а ихъ-то обыкновенно и смѣшиваютъ. Цѣль гимназіи состоитъ *преимущественно* въ томъ, чтобы образовывать воспитанника, приучить его къ логическому мышленію, а къ этому лучше всего приспособлено изученіе древнихъ языковъ; но знаніе ихъ рѣдко находитъ *непосредственное* примѣненіе къ жизни. Реальныя же училища преимущественно сообщаютъ знаніе фактическое, могущее найти непосредственное примѣненіе ко вседневной жизни, могущее, если можно такъ выразиться, немедленно матеріализоваться. Въ этомъ и состоитъ преимущественная разниця между гимназіей и реальнымъ училищемъ. Можно обладать значительнымъ знаніемъ фактовъ и быть, вѣвъ своей специальности, — необразованнымъ человѣкомъ. Знаменитый Стивенсонъ (отецъ) былъ сыномъ бѣднаго углескона и нигдѣ не учился, что не помѣшало ему сдѣлаться первымъ инженеромъ-практикомъ Англій, но онъ былъ великъ лишь въ своей специальной сферѣ, и конечно былъ бы нкуда не годнымъ „первымъ министромъ“. У насъ постоянно

смѣшиваютъ знаніе съ образованіемъ, а это, повторяю, далеко не одно и то же (хотя конечно и то и другое для жизни государства необходимо). Покойный Тютчевъ выражалъ эту мысль очень рельефно. Онъ говорилъ про людей знающихъ много фактовъ, но мало образованныхъ: *Ce sont des Huns, qui ont fait leurs classes. Къ сожалѣнію, у насъ большинство „гуниновъ“ даже n'ont pas fait leurs classes; съ первою категоріей еще можно какъ-нибудь ужиться, пайти какой-нибудь modus vivendi—но не со второю! Тѣмъ, говоря объ образованіи Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ, какъ извѣстно, классицизмъ стоитъ низко, а процвѣтаютъ науки реальныя, мѣтко называетъ такое состояніе—„de la barbarie éclairée au gaz!“*

Цѣль гимназическаго (классическаго) образованія не состоитъ, стало-быть, въ приготовленіи разныхъ спеціалістовъ (для сего существуютъ особыя, спеціальныя школы разныхъ степеней). Гимназія должна дать молодыхъ людей *способныхъ къ дальнѣйшему* правильному, самостоятельному и всестороннему образованію. Она должна мало-по-малу знакомить ихъ съ міромъ идеальнымъ, должна сдѣлать ихъ способными понимать „общую, т.-е. отвлеченную идею“. Гимназическое образованіе служитъ приготовленіемъ, преддверіемъ къ дальнѣйшему уже, философскому, образованію, которое получается въ Университетѣ, но этой стороны вопроса мы касаться не будемъ.

Вопросъ о преимуществахъ классическаго образованія предъ такъ-называемымъ образованіемъ реальнымъ рѣшенъ въ Европѣ окончательно, и притомъ въ смыслѣ положительномъ; ежели о немъ еще происходятъ споры, то споры эти имѣютъ совершенно постороннюю, политическую, вѣриже социальную подкладку, не имѣющую ничего общаго съ образованіемъ. Я не вхожу въ разборъ этой стороны разсматриваемаго вопроса, это повело бы насъ слишкомъ далеко, да и не входятъ въ тѣсныя рамки моей замѣтки.

Для наиболѣе цивилизованныхъ странъ Европы это, повторяю, вопросъ рѣшенный. Наиболѣе образованная страна въ мірѣ, Германія, можетъ въ этомъ случаѣ служить для насъ примѣромъ. Въ Германіи, лишь тѣ, которые окончили курсъ въ гимназіи и

¹ Поэтому-то, такъ какъ къ отвлеченнымъ идеямъ изъ всѣхъ тварей способенъ лишь одинъ человекъ, образованіе это и называется преимущественно „человѣческимъ“, *les humanités, humaniora, humanitas, Litteræ. „In humanitate versari“* (Цицеронъ).

выдержали государственный экзаменъ, могутъ поступить на гражданскую государственную службу; исключеній немного; если не ошибаюсь, одни телеграфисты и низшіе почтовые чиновники могутъ обойтись безъ государственнаго экзамена. Конечно, умная маленькая Пруссія, ставшая нынѣ большою и могущественною Германіей, обязана своимъ величіемъ столько же генію желѣзнаго канцлера и его предшественника Штейна, сколько и своей школѣ; очень основательно говорили въ 1870 году, что Францію побѣдила не столько германская армія, сколько германская школа. (Должно, впрочемъ, замѣтить, что въ германскихъ кадетскихъ корпусахъ проходитъ латынь весьма основательно, по курсу, не уступающему курсу нашихъ гимназій ¹. Одно изъ лучшихъ сочиненій о войнѣ 1870 года написано прекраснымъ латинскимъ языкомъ ² однимъ изъ участниковъ, „нѣкимъ сотеннымъ начальникомъ конницы,“ т.-е. эскадроннымъ командиромъ. Несомнѣнно, что и въ Германіи есть люди, возстающіе на классическое образованіе (на что нынѣ не возстають?!), но, къ счастью Германіи и къ несчастью ея враговъ, крики противъ классическаго образованія находятъ пока поддержку лишь въ такихъ кругахъ, которые еще не скоро доберутся до власти.

Если Германія (преимущественно средняя и сѣверная) можетъ по праву считаться страной наиболѣе научно-образованною, то Англія является безспорно страной наиболѣе развитою политически; что же видимъ мы въ Англіи? Тамъ всѣ тѣ, которые готовятъ себя къ дѣятельности общественной, преимущественно къ дѣятельности политической, проходятъ самую серьезную классическую школу. Англія повѣла и примѣнила благотворный принципъ раздѣленія труда (что и даетъ ей возможность достигать совершенства во всѣхъ отрасляхъ труда и матеріальнаго и нравственнаго). Она заботится о томъ, чтобы для каждого дѣла имѣлись спеціально для него подготовленные люди. Споръ между двумя системами воспитанія называется тамъ судебнымъ процессомъ „drilling versus knowledge“. Подъ словомъ drilling (собственно выправка) разумѣется гимнастика, развитіе, усиліе,

¹ Конечно такіе примѣры есть и у насъ; гр. Олсуфьевъ—гродненскій гусарь; Хомяковъ—конюгвардеецъ; но къ сожалѣнію эти исключенія и остаются рѣдкими исключеніями.

² Въ гвардію же поступаютъ преимущественно молодые люди, прошедшіе настоящую классическую гимназію, а въ нихъ я въ 1866 и въ 1870 кажется никакого переутомленія не замѣчалось!

дисциплинировка умственныхъ способностей, подъ словомъ knowledge (собственно выучка, знаніе фактовъ) сообщеніе всевозможныхъ свѣдѣній. И до сихъ поръ „drilling“ стовтъ во главѣ англійскаго воспитанія, направляемаго не къ тому, чтобы снабдить ребенка знаніемъ многочисленныхъ фактовъ, а къ тому, чтобы развить его способности и приготовить къ дальнѣйшему самостоятельному труду или на почвѣ науки, или на государственной службѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при замѣнѣ министерства либеральнаго консервативнымъ, былъ опубликованъ *curriculum vitae* членовъ обоихъ министерствъ—болѣе пятидесяти человекъ—изъ нихъ только *одинъ* не получилъ строго классическаго образованія; всѣ остальные получили надлежащую подготовку къ политической жизни, что, конечно, ни сколько не мѣшаетъ процвѣтанію спеціальныхъ техническихъ школъ (по воспитанію ихъ идутъ по другому пути и лишь случайно вмѣшиваются въ политику).

Въ Австріи гимназія поставлена почти такъ же хорошо, какъ и въ Германіи. Это, конечно, и составляетъ сравнительную силу Австріи, спасаетъ этотъ политически слабый организмъ, не могущій уже обходиться безъ посторонней помощи то Россіи, то Германіи, отъ исчезновенія съ карты Европы. Я помню мой разговоръ съ однимъ изъ выдающихся политическихъ дѣятелей начала семидесятихъ годовъ, съ министромъ безъ портфеля Унгеромъ. У насъ въ это время ходили, какъ и теперь, разные толки о вредѣ классическаго образованія, о его бесполезности и въ особенности о его непримѣнности къ Россіи; старались, между прочимъ, обойти людей стоящихъ у власти, злокозненнымъ предложеніемъ ввести въ гимназическій учебный планъ бифуркацію, которая точно такъ же, хотя и окольнымъ путемъ, убла бы не только наше скудное гимназическое образованіе, но и университеты. Помню удивленіе Унгера, когда я ему сказалъ, что у насъ объ этомъ есть разномысліе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, что вопросъ о системѣ образованія у насъ хотя и рѣшенъ правительствомъ въ принципѣ, но подвергается колебаніямъ. Онъ даже меня не сразу понялъ, до того все ему сообщаемое мною казалось страннымъ.

Во Франціи мы видимъ колебаніе въ системѣ образованія. Въ очень интересномъ сочиненіи Дюрюи, сына извѣстнаго министра, собрана масса интереснаго матеріала. Франція, до конца прошлаго столѣтія, стояла во главѣ европейской цивилизаціи и

тщательно охраняла классическое воспитаніе въ своихъ школахъ; но вмѣстѣ съ политическими мнѣніями заколебалась и мнѣнія о системѣ образованія. Дюрюи весьма подробно изслѣдовалъ эти колебанія и вывелъ слѣдующее заключеніе: Съ переходомъ власти въ руки революціонеровъ, вообще элементовъ разлагающихся государствъ, классицизмъ падаль, повышалось изученіе „реальныхъ“ предметовъ, конечно болѣе симпатичное массамъ, какъ болѣе легкое и болѣе прибыльное; когда, затѣмъ, снова брали верхъ элементы консервативныя (во Франціи они составляютъ образованное меньшинство) снова поднимался классицизмъ. Въ сочиненіи Дюрюи масса поучительныхъ примѣровъ. Мирабо въ своемъ учебномъ планѣ еще защищалъ классическое образованіе; а въ 1791 г. народнымъ образованіемъ руководили уже мѣстные клубы, наблюдавшіе за тѣмъ, чтобы въ школахъ преподавалась *la pure doctrine révolutionnaire*. Отчетъ de l'an V (т.-е. 97-го) представляетъ удивительныя педагогическія „курьезы“, напримѣръ, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (*Ecoles centrales*), соотвѣтствующихъ гимназіямъ, первое мѣсто занимало черченіе и рисованіе (какъ *perfectionnement des sens*), второе мѣсто занимаютъ науки естественныя; математика — третье... Образованіе начало снова подниматься лишь съ 1802 года при консульствѣ.

II.

Никто изъ защитниковъ классической системы образованія не приписываетъ ей какого-либо чудодѣйственнаго вліянія на воспитанника. Можно знать древніе языки и оставаться дикаремъ, можно не знать ихъ—и быть образованнымъ человекомъ. Дойти до высокой степени развитія своихъ умственныхъ способностей, до совершеннаго ихъ дисциплинированія можно и другими путями; это несомнѣнно; можно, напримѣръ, познакомиться съ древнимъ міромъ, усвоить его высокое пониманіе истины и красоты¹ съ помощію переводовъ древнихъ авторовъ, всестороннимъ

¹ Обаятельно, благотворное вліяніе древняго міра, вообще міра идей, на душу человека никакъ не объяснишь тѣмъ, къ которымъ поэтъ обращаетъ укоризненное слово:

„На вѣсь

Куляръ ты цѣнишь Бельведерскій“,

только тотъ, кто ощутилъ это вліяніе, можетъ судить о немъ, о его необ-

изученіемъ его исторіи, его культуры и т. п.; все это возможно, но лишь при извѣстной исключительно счастливой обстановкѣ и при выдающихся способностяхъ. Ежели бы, напримѣръ, кому-нибудь посчастливилось изучить хотя бы бѣднѣйшій англійскій языкъ подъ руководствомъ Макса Мюллера или какой-нибудь хотя бы бѣдный музей антиковъ съ Винкельманномъ, это, конечно, стоило бы цѣлаго гимназическаго курса. Вообще всякую отрасль науки можно преподавать въ такомъ объемѣ, съ такою глубиной изслѣдованія, которая заставитъ ученика не только напрягать свои умственные способности, дать ему хорошую гимнастику, но и разовьетъ его, введетъ его въ область отвлеченныхъ понятій, въ сферу высокихъ идеаловъ, *предохранитъ его отъ наиболее распространенной нынѣ болѣзни безидейности*. Всякая наука можетъ, конечно, быть доведена до своихъ общихъ, философскихъ основъ. Но многимъ ли можетъ выпасть на долю счастье учиться подъ непосредственнымъ руководствомъ Мюллеровъ или Винкельманновъ! Поэтому-то образованные народы и остановились на той системѣ образованія, которая можетъ дать искомыя результаты при условіяхъ *доступныхъ среднему ученику при среднемъ преподавателѣ*,¹ остановились на тѣхъ предметахъ, которые заставляютъ *наиболѣе и наиболѣе* напрягать умъ и постепенно вводятъ его въ міръ идей; поэтому-то и избрали древніе языки и математику за основаніе гимназическаго преподаванія.²

Установивъ такимъ образомъ *litis instrumentum*, и могу перейти къ различнымъ обвиненіямъ, направленнымъ противъ

ходимости; это именно и затрудняетъ споръ. Целью себя представить, чѣмъ бы мы стали, ежели бы мы вдругъ потеряли и ту слабую связь, которая соединяетъ насъ съ классическимъ міромъ! Это было бы великое несчастье для Россіи!

¹ При преподаваніи древнихъ языковъ (и математики) и самому преподающему *ceteris paribus* легче не сбиться въ сторону отъ надлежащаго пути. Онъ самъ (учитель) находится въ строгихъ рамкахъ логическаго мышленія, всякое уклоненіе сейчасъ же обнаруживается. (См. введеніе въ прусскій *Lehrplan*, 1882 г.)

² Я все время говорю не о математикѣ, а лишь о древнихъ языкахъ, ибо на математику противники классицизма не возстаютъ, считая ее наукой „полезной“, имѣющей непосредственное примѣненіе къ жизни. Мысль эта неосновательна, но я не буду на ней останавливаться, благо математику оставляютъ въ покоѣ.

такъ еще не давно введенной у насъ системы европейскаго образованія. Всѣ эти обвиненія можно подвести подъ четыре главныя рубрики.

Есть не мало людей весьма почтенныхъ, весьма преданныхъ своему отечеству, которые увѣряютъ, что намъ, Русскимъ, вообще не зачѣмъ брать примѣръ съ Запада, съ „Нѣмцевъ“, пусть, молъ, они тамъ у себя философствуютъ, никакой этой ихъ иностранной учености намъ не надо, мы, де, въ этомъ не нуждаемся; мы люди „особые“, Русскіе! Аргументировать противъ такихъ воззрѣній чрезвычайно трудно; у спорящихъ окажутся не только совершенно различныя психодинамическія точки, но и совершенно различныя, несоизмѣримыя сферы мысленія; трудно донскаться начала такихъ мнѣній, прослѣдить ихъ возникновеніе и ростъ; они являются результатомъ смѣшенія какого-то страннаго, дикаго „кваснаго“ патріотизма съ выродившимся, самого себя не понимающимъ псевдо-славянофильствомъ! Поборники такихъ взглядовъ, очевидно, не имѣютъ никакого понятія о великихъ побѣдахъ западной культуры, объ ея блестящихъ, благотворныхъ результатахъ! Но можно ли разговаривать о живописи съ человекомъ, никогда не видавшимъ картины Рафаэля, или о музыкѣ съ человекомъ, никогда не слыхавшимъ симфоніи Бетховена! Аргументы этихъ странныхъ противниковъ классической школы напоминаютъ совѣтъ, данный когда-то графомъ де-Мэстромъ императору Александру Павловичу. Посланникъ Сардинскаго короля при Русскомъ дворѣ былъ, какъ извѣстно, блестящимъ, приятнымъ и парадоксальнымъ собесѣдникомъ; однажды императоръ, который любилъ разговаривать съ де-Мэстромъ, замѣтилъ ему съ грустью, что въ Россіи мало ученыхъ людей: „Eh, mon Dieu! Sire“, отвѣтилъ ему посланникъ-іезуитъ, „qu'avez Vous besoin de Savants; Vous avez beaucoup de gens braves et de braves gens; cela ne vous suffit-il pas?“ Трудно сказать, что побуждало де-Мэстра дать такой коварный совѣтъ императору; онъ былъ слишкомъ тонко образованный, слишкомъ культурный человекъ, чтобы дѣйствительно думать, что государство можетъ обойтись безъ ученыхъ, довольствоваться для достиженія своихъ высокихъ цѣлей одними добрыми малыми и храбрыми воинами. Говорилъ ли онъ это— „такъ“, для того только, чтобы сказать остроумную фразу, или сознательно давалъ коварный совѣтъ—рѣшить не легко; но что совѣтъ этотъ, преднамѣренно ли, или случайно, былъ кова-

ренъ — въ этомъ сомнѣваться нельзя. Россія въ то время ¹ была на европейскомъ материкѣ единственною надеждою разныхъ династій и государствъ, трепетавшихъ предъ Наполеономъ, была представительницею разныхъ „консервативизмовъ“. Люди пошиба де-Мэстра и Меттерниха очень ею дорожили для своихъ реакціонныхъ цѣлей; они готовы были ласкать и хвалить Россію, но подъ условіемъ, чтобъ она не выходила изъ своей роли умиротворителя-жандарма, не выходила бы изъ ихъ объятій, изъ-подъ ихъ вліянія, въ особенности *не думала и не дѣйствовала самостоятельно*. Наши враги, замаскированные и незамаскированные, болѣе всего боятся нашей независимости, нашей самостоятельности; „сѣверный колоссъ“ имъ очень нравится, но лишь пока онъ дѣйствуетъ согласно съ ихъ желаніями, а все это возможно лишь пока мы сильны матеріально и *слабы нравственно*; пока мы остаемся только храбрыми, но и не дальновидными людьми: *des gens braves et de braves gens*, но очевидно, когда у насъ, кромѣ того, будутъ еще и *des savants*, мы выйдемъ изъ опеки Меттерниховъ и де-Мэстровъ, едѣлаемся самостоятельными и непригодными къ службѣ чуждымъ интересамъ; а какой же самый вѣрный путь для того, чтобъ отдалить отъ насъ эпоху нашего нравственнаго совершеннѣтій, нашего самосознанія, какъ не затрудняя наше образованіе, не пресѣкая пути къ нему, не лишая насъ „*des gens savants*“ и не оставляя насъ съ одними „*braves gens*“ и „*gens braves*“! Но не странно ли видѣть людей патриотическаго образа мыслей, проповѣдывающихъ то же самое, чтѣ и наши замаскированные враги? ² Это можетъ быть объяснено лишь совершеннымъ непониманіемъ даннаго вопроса, непониманіемъ элементарнѣйшихъ задачъ государства.

Тѣ, которые читали хотя одну страницу изъ того, чтѣ мною когда-либо было написано, конечно не удивятся высказываемому мною сочувствію западной культурѣ; представители того образа мыслей, къ которому принадлежу и я (такъ-называемаго „*ультра (!)* русскаго“, „народническаго“, „славянофильскаго“, „*alt russisch*“ и т. д.), относятся очень скептически къ современному

¹ Графъ де-Мэстръ жилъ въ Петербургѣ очень долго и долженъ былъ удалиться лишь въ 1817 году, вслѣдствіе своего безцеремоннаго заступничества за изгоняемыхъ тогда іезуитовъ.

² Можетъ-быть и въ настоящей кампаніи противъ нашего образованія невидимо участвуетъ іезуитская рука?

положенію Запада, никогда не думали отрицать великихъ заслугъ западной культуры; мы, правда, не желаемъ быть „холопами“ (какъ говорилъ Тютчевъ) европейскаго просвѣщенія, а лишь его служителями, учениками; мы не желаемъ забыть и забросить наши:

„я нравъ, и языки, и старину святую“,

разстаться съ ними, но желаемъ привить къ намъ, къ могучему русскому дереву все то великое, истинное, хорошее, которое можетъ намъ дать Греція и Римъ (конечно древній) и унаслѣдовавшая ихъ богатства Западная Европа; мы думаемъ, что все это совершенно возможно не превращаясь въ Нѣмца или Англичанина, что, напротивъ, только оставаясь Русскимъ мы дѣйствительно можемъ съ пользой усвоить результаты западной культуры, но мы думаемъ, что изучая Канта, читая Мольера или Шекспира, слушая Бетховена или Россини, мы *можемъ и должны* оставаться Русскими. Вѣдь и эти великіе люди, двичавшіе, хотя разными средствами и путями, западнаго Европейца къ безусловному добру и безусловной истинѣ, никогда и не думали отказываться отъ своей національности; такъ точно должны поступать и мы, но такое убѣжденіе не имѣетъ ничего общаго съ отрицательнымъ отношеніемъ къ западной культурѣ, съ тѣмъ ложнымъ патріотизмомъ, который дѣйствительно заслуживаетъ названіе „кваснаго“.

Совершенно иного взгляда придерживаются у насъ тѣ враги классическаго образованія, которые не отрицаютъ вообще его полезности, его необходимости, но увѣряютъ, что мы, Русскіе, *не въ состояніи* имъ воспользоваться, что мы не культурная нація *Kein Kultur-fähiges Volk*, и не способны не только къ творчеству въ области отвлеченной мысли, но даже и къ ея пониманію; что мы способны къ пониманію лишь внѣшняго явленія, лишь факта, а не его „идеи“, и что поэтому мы должны отложить въ сторону „humaniora“ и заняться лишь „реальными“ науками; что въ гимназіяхъ намъ стало-быть можно обойтись безъ древнихъ языковъ, а въ университетахъ — безъ философіи. ¹

¹ Эти мысли совершенно параллельны и дополняютъ другъ друга; то, что для гимназіи древніе языки, то для университета философія. Если мы не можемъ усвоить классическаго воспитанія въ гимназіи, если оно намъ не по силамъ, то, а *fortiori*, должны мы отказаться отъ философіи въ университетѣ.

Такой пессимистическій взглядъ на Русскій народъ ничѣмъ не оправдывается; конечно, мы въ области языковѣдѣнія, а тѣмъ болѣе философіи, сдѣлали немного, гораздо менѣе нежели въ области науки прикладныхъ, такъ-называемыхъ „точныхъ“; но это объясняется не тѣмъ, что мы способны лишь къ симъ послѣднимъ, а тѣмъ, что послѣднія легче, что въ нихъ можно преуспѣвать, дѣлать „открытія“ даже безъ круѣлкой теоретической подготовки, но въ особенности это объясняется тѣмъ, что классическая система образованія введена у насъ лишь очень недавно, при очень невыгодныхъ условіяхъ и подвергалась постояннымъ и сильнымъ колебаніямъ. ¹ Должно замѣтить впрочемъ, что такіе пессимистическіе взгляды на способности Русскаго народа составляютъ удѣлъ немногихъ избранныхъ; вообще Русскихъ не считаютъ дураками. Это неоднократно подтверждали заграничные ученые, подъ руководствомъ коихъ учатся молодые Русскіе. (Опольцерь.)

Третья категорія оппонентовъ вообще признаетъ пользу классическаго образованія и не считаетъ насъ неспособными къ нему, но указываетъ на дѣйствительный, кажется, недостатокъ у насъ хорошихъ учителей древнихъ языковъ и увѣряетъ, что классическое образованіе для насъ, по крайней мѣрѣ *въ данную минуту*, недостижимо. Они небезосновательно говорятъ, что чѣмъ выше требованія образованія, тѣмъ стало-быть совершеннѣе должны быть и средства для его достиженія; очевидно, что при недостаточныхъ педагогическихъ средствахъ чѣмъ выше цѣль, тѣмъ менѣе она окажется достижимою. По мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ вполне способныхъ судить о положеніи дѣла (въ особенности въ провинціи), наши педагогическія силы дѣйствительно не вверсту требованіямъ. Это возраженіе очень серьезно; указываемый недочетъ въ хорошихъ преподавателяхъ не можетъ не имѣть вреднаго вліянія на ходъ дѣла; но оно не можетъ вызвать требованія сокращенія программы преподаванія. Власть имѣющимъ должно лишь усерднѣе стараться о томъ, чтобы поскорѣе, и въ потребномъ количествѣ, образовать хорошихъ преподавателей.

¹ Упрекъ этотъ не относится къ нашимъ духовнымъ училищамъ, гдѣ изученіе древнихъ языковъ стояло на высокой степени, хотя и отличалось средневѣковымъ формальнымъ характеромъ. Духовныя училища дали такихъ людей (не считая Потемкина), какъ Филаретъ Московскій, Сперанскій. Значительная часть нашихъ современныхъ университетскихъ профессоровъ получили свое первоначальное образованіе въ духовныхъ училищахъ

Повидимому это дѣло вполне достижимое. Возможность недостатка педагогическихъ силъ имѣлась въ виду при самомъ составленіи гимназическаго плана занятій, и для устраненія его принимались соотвѣтствующія мѣры: учреждены историко-филологическіе институты, выписывались преподаватели древнихъ языковъ изъ славянскихъ земель, устроены были въ Лейпцигѣ семинаріи подъ вѣдѣніемъ сначала знаменитаго Ритшля, потомъ одного изъ достойнѣйшихъ его преемниковъ—Липсіуса. Семинаріи этотъ существуетъ не долго, съ 1873 г. (нынѣ кажется его закрываютъ), но несмотря на такой короткій срокъ, онъ далъ очень хорошіе результаты; а въ настоящее время новый уставъ даетъ правительственной власти полную возможность приготовить необходимыхъ для нашихъ гимназій преподавателей; возможностью этою можно и несомнѣнно *должно* воспользоваться. Еслибы даже на образованіе педагогическаго персонала потребовались и новые расходы, то конечно настоящій министръ финансовъ не откажетъ въ средствахъ на ихъ покрытіе. Во всякомъ случаѣ, если и правы тѣ, которые указываютъ на недостатокъ у насъ въ настоящее время хорошаго учебнаго персонала (для рѣшенія этого вопроса нужно имѣть данныя недоступныя для частнаго человека), то изъ этого нисколько не слѣдуетъ, что должно отмѣнить всю систему, признанную за единственно правильную всею цивилизованною Европой!

Для полноты изложенія приходится упомянуть объ одномъ обвиненіи, которое было въ большомъ ходу въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ; оно, если не ошибаюсь, было пущено въ ходъ редакціей *Голоса*, служившею въ то время главнымъ штабомъ для всѣхъ враговъ классическаго образованія¹. Обвиненіе, о которомъ я говорю, состоитъ въ слѣдующемъ: классическое образованіе, въ особенности чтеніе древнихъ авторовъ, знакомитъ, правда, ученика съ хорошими, великими сторонами древняго міра, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, знакомитъ его и съ разными республиканскими воззрѣніями, съ личностями въ родѣ Брутовъ, Гракховъ и другихъ „непризнававшихъ властей“ революціонеровъ. Надъ этимъ аргументомъ нѣкоторые наивные люди задумывались,

¹ Изъ этой же редакціи, когда дѣло классической системы было выиграно, вышло предложеніе ввести бифуркацію, которая, конечно, не только уничтожила бы всѣ плоды дорога купленной nobѣды, но и погубила бы и университетское образованіе, понизивъ его общій уровень.

выказывая этимъ свое несомнѣнное невѣдѣніе классическаго и преимущественно римскаго міра. Изучая именно римскую исторію убѣждаешься въ томъ, что величіе Рима было основано въ значительной степени на покорности закону. По понятію Рима все должно преклоняться предъ закономъ („*Dura lex — sed lex!*“ говорилъ Римлянинъ); всѣмъ слѣдовало жертвовать для блага государства. Таковъ законъ, и этому закону все подчинялось („*Salus rei publicae summa lex esto.*“) Въ классикахъ можно научиться безусловному полнѣйшему подчиненію закону, и развѣ законной оппозиціи при его нарушеніи, что совсѣмъ не тождественно съ революціей. Эти оппоненты выказываютъ не меньшее невѣдѣніе и повѣйшей исторіи, въ особенности повѣйшей исторіи Франціи; кому не извѣстно, что свирѣпѣйшіе вожаки французской революціи, разныя Мараты и Колло-д'Эрбуа, были не изъ „классиковъ“; что касается до Бабѣфа, принявшаго имя Гракха, то его конечно еще менѣе можно заподозрить въ излишнемъ изученіи римской исторіи. Впрочемъ, послѣ 1871 года и ужасовъ парижской коммуны обвиненій классицизма въ томъ, что онъ идетъ рука объ руку съ революціей, какъ-то не слышно.

III.

...Да я не за что, наука не такая, лишь тебѣ мученіе, а все вижу пустота...

Простакова.

Перехожу къ послѣднему, наиболѣе серьезному, какъ говорятъ, обвиненію нашей школы. Оно было высказано давно, сто лѣтъ тому назадъ,—г-жей Простаковой; авторитетъ этотъ повидимому не поколебленъ, для нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ и понинѣ... ея аргументы повторяются нѣкоторыми съ увлеченіемъ.

„Требованія нашей гимназіи слишкомъ велики“, говорятъ оппоненты классицизма; „дѣти наши не могутъ ихъ выполнить. Уничтожьте, а если нельзя уничтожить, то хоть сократите требованія по древнимъ языкамъ, которые никому ненужны и на которыхъ никто не говоритъ. Уже если нельзя иначе,—пусть ихъ тамъ немножко останется, но непременно устройте такъ, чтобъ ихъ изученіе доставалось нашимъ дѣтямъ легко, безъ напряженія ихъ силъ, безъ утомленія ихъ. При этомъ мы, однако, хотимъ,

чтобы дѣти наши и при пониженныхъ требованіяхъ были образованы, чтобы они могли поступать въ университетъ, могли получать всё тѣ же преимущества какъ и теперь, выходили бы съ тѣми же правами какъ и теперь и т. п.“, т. е. *Wasch mir den Pelz, und mach'ihn nicht nass!* какъ говорятъ Нѣмцы. Конечно, можно устроить дѣло такъ, что и при пониженныхъ требованіяхъ, виѣшность его останется все та же, и мундиры воспитанниковъ останутся тѣ же, и дипломы останутся тѣ же, пожалуй и права могутъ остаться тѣ же... *снаружи* и головы конечно останутся тѣ же... но едва ли будутъ такимъ образомъ достигнуты результаты, которыхъ государство ожидаетъ отъ своей школы, высокія цѣли, которыя оно ей ставитъ. Отвѣтъ на такія заявленія и требованія долженъ быть данъ *категорическій* и *отрицательный*, никакой другой системы вводить нельзя и не слѣдуетъ; это должно быть высказано твердо и окончательно: *посль церкви самое важное дѣло въ жизни государства—школа*. Рѣшите правильно вопросъ о школѣ, о народномъ образованіи, не давайте его колебать—и все остальное придетъ само собою! Едва ли я ошибусь, утверждая, что нападеніи на школу должны быть отстраняемы точно такъ же энергично и рѣшительно, какъ и нападки на церковь и на самодержавіе! Конечно, нужно предварительно самому уфрбовать въ петню того, что защищаешь. Возвращаюсь къ главному обвиненію противъ нашего гимназическаго устава: Говорятъ: дѣти наши „нерутомляются“, *не могутъ вынести* возлагаемой на нихъ работы, требованія гимназическаго устава слишкомъ тяжелы, дѣти изнемогаютъ, они болѣютъ, они изъ-за вашихъ древнихъ языковъ, плохо преподаваемыхъ, прибѣгаютъ къ самоубійству (такая легенда была когда-то въ большомъ ходу).

Вѣрно ли это?

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что еслибы возраженіе это оказалось основательнымъ, намъ пришлось бы отказаться отъ общеевропейскаго образованія и отрестироваться въ Ташкентъ, Кокандъ и Владивостокъ, уступить мѣсто „den Kultur fähigen Völkern“..... *Но это неверно!* Это было бы вѣрно, еслибы или дѣти наши были глупѣе другихъ дѣтей, или еслибы требованія гимназическаго устава были слишкомъ высоки. Но, повторяю, *ни то, ни другое неверно*.

Дѣти наши вполне способны къ изученію древнихъ языковъ и несколько не глупѣе дѣтей нѣмецкихъ или англійскихъ, а

требованія нашего учебнаго плана легче нежели требованія на-
примѣръ прусскаго. Миѣ кажется, что даже люди и очень враждебно
къ намъ относящіеся изберутъ другія обвиненія, для того чтобы
насъ унизить и уязвить; они могутъ указать и на дѣйствительные
наши недостатки, напр., на недостатокъ выдержки, сосредоточен-
ности, на непривычку къ продолжительному и скучному труду и т. п.,
т.-е. на такіе недостатки, которые завяжутся скорѣе отъ характера и
отъ *недисциплинированности* умственныхъ способностей, а никакъ
не отъ *слабости* ихъ, но едва ли умный недоброжелатель Рос-
сіи рѣшится обвинить русскихъ дѣтей въ томъ, что они дурач-
ки! За границей, напримѣръ, и преимущественно въ Германіи,
сложилось совершенно иное представленіе о нашей молодежи.
Стало-быть остается посмотреть дѣйствительно ли наши дѣти
такъ обременены работой, что они подъ нею взнемогаютъ, отъ
нея тупѣютъ etc... посмотримъ же какъ дѣло стоитъ въ Герма-
ніи, преимущественно въ Пруссіи.

31 марта 1882 года въ Пруссіи послѣдовали нѣкоторыя измѣ-
ненія въ учебныхъ планахъ среднихъ школъ. Объ этихъ измѣ-
неніяхъ у насъ было много писано, хотя писавшіе, кажется, не
знали документовъ, на которыхъ они основывали свои выводы.
Но крайней мѣрѣ новый этотъ Lehrplan составляетъ чуть ли
не библиографическую рѣдкость (въ Петербургѣ).

Оказывается, что въ прусскихъ классическихкихъ гимназіяхъ, не
считая десяти уроковъ посвящаемыхъ въ низшихъ курсахъ рисо-
ванію и чистописанію, а равно и двухъ уроковъ въ недѣлю на
гимнастику (Turnen), *обязательную для всехъ* дѣтей, за исклю-
ченіемъ только больныхъ, и двухъ уроковъ гѣміи, обязательнаго
для двухъ низшихъ классовъ и снова обязательныхъ начиная
съ четверты и выше, всего недѣльныхъ уроковъ 258, а недѣль-
ныхъ уроковъ въ каждомъ классѣ $28\frac{1}{2}$, изъ нихъ на математику
идеть 34 урока, на древніе языки 117. Всего 151 недѣльныхъ
урока ¹.

Въ прусскихъ *реальныхъ* гимназіяхъ при 270 урокахъ, *на латыни*
посвящается 54. (Не правда ли, какіе глуные эти Нѣмцы!) Зачѣмъ
будущему технику знать латынь!? да еще какъ знать? въ § 3-мъ
(замѣчаніе къ учебному плану реальныхъ гимназій) сказано,

¹ Въ германскихъ гимназіяхъ счетъ обратный нашему, т.-е. высшій классъ
называется въ Германіи I, низшій VI.

что ученикъ долженъ быть знакомъ не только съ грамматикой латинскаго языка, но даже и съ главными правилами просодии. Когда же какому-нибудь химикъ, или инженеру, или металлургу придется писать латинскіе стихи!!? Вотъ, стало-быть, какъ дѣло обстоитъ въ Пруссіи, вотъ тѣ уставы, которыми руководствуется наиболѣе образованное государство въ мірѣ, а между тѣмъ, хотя я много лѣтъ сряду, до 1876 года, вращался въ ученыхъ сферахъ Германіи, я никогда не слышалъ, что дѣти въ гимназіяхъ переутомлены, болѣютъ отъ классицизма etc... Теперь, говорить, много начали толковать о переутомленіи (*Ueberbürdung*) дѣтей, но эти крики основаны или на фактахъ очень сомнительной достовѣрности или имѣютъ постороннюю подкладку. Германія, несмотря на Бисмарка, демократизуется (какъ и вся Западная Европа), культурные интересы отходятъ на задній планъ, выдвигаются преимущественно матеріальные, болѣе близкіе, болѣе доступные, можетъ-быть даже въ данную минуту болѣе важные для большинства, для демоса, забирающаго въ свои руки власть. Но это совсѣмъ не аргументъ; по крайней мѣрѣ не педагогическій аргументъ, и во всякомъ случаѣ мы должны имѣть въ виду не то, что можетъ когда-нибудь быть, а то, что есть, а есть у насъ налицо прусскій учебный планъ 1882 года! Прежде нежели перейти къ *нашему* учебному плану, я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу именно этого новаго учебнаго плана прусскаго.

У насъ настаивали на необходимости завести какую-то *общеобразовательную* школу, дающую какое-то *обще-человѣческое* образованіе (точно въ природѣ существуетъ какой-то *обще-человѣкъ?*); вѣра въ такое обще-человѣческое образованіе держится кое-гдѣ (у насъ) и понинѣ. Чтобы не слишкомъ расходиться съ европейскими понятіями, врагами классическаго образованія, въ 1871 году была предложена (какъ сказано выше) бифуркаціонная система, при которой изъ отдѣленія реального (которое и считалось „*обще-человѣческимъ*“) выходили бы будущіе студенты—медики, юристы и естествоиспытатели, а изъ филологическаго (которое превращалось такимъ образомъ въ *спеціальное*) выходили бы *специалисты*—*историко-филологи*. Къ счастью, это предложеніе, которое сразу бы понизило уровень университетскаго образованія (что для большинства его сторонниковъ было вѣроятно не ясно), было отклонено Государственнымъ Совѣтомъ (правда, лишь его меньшинствомъ, но съ кото-

рымъ согласился и покойный Государь!). Въ учебномъ планѣ (стр. 4) для прусскихъ гимназій прямо высказывается мысль, основанная, какъ сказано въ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія Госслера, на фактахъ (*Sachlich begründet*) и подтвержденная опытомъ (*durch Erfahrung bewährt*), что гимназія должна быть отдѣлена отъ реальнаго училища; задача соединенія гимназій съ реальною школою въ одно училище оказалась неисполнимою. Этимъ подтверждается не только, что и система бифуркаціи одной и той же „обще-образовательной“ школы невозможна, но что и задачи гимназій и технического училища (даже высокаго, съ сильнымъ преподаваніемъ латинскаго языка) совершенно несовмѣстимы; что цѣли ими преслѣдуемыя совершенно различны (§ 2).

Параграфъ 3 прусскаго учебнаго плана предостерегаетъ противъ сообщенія или обсужденія (*Erwägung*) въ классахъ (гимназій реальнаго училища даже 1-го разряда) теоретическихъ гипотезъ, которыя должны быть предоставлены спеціальному изученію (*Fachstudium*) высшей школы (*Hochschule*). Это у насъ часто позабываютъ, вводя незрѣлые еще умы учениковъ въ области мысли для нихъ недоступныя и представляя имъ, какъ безусловно вѣрныя, теоріи совершенно еще гипотетическія, называемыя у насъ *последними словами науки*. Эти мнимо „последнія слова науки“ сбили у насъ съ толку не мало молодыхъ умовъ, погубили не мало молодыхъ силъ!

Относительно прусскихъ гимназій должно замѣтить еще одно очень важное обстоятельство. Въ протестантскихъ, отчасти и въ католическихъ земляхъ, духовенство образуется въ университетахъ на богословскихъ факультетахъ. Молодые люди, готовящіеся къ служенію Церкви, поступаютъ туда изъ гимназій, гдѣ для нихъ обязательны еще и еврейскій языкъ! Высота требованій предъявляемыхъ государствомъ гимназій, требованій, которыя фактически исполняются ею, и объясняетъ высоту уровня германской науки. Но что бы сказали у насъ, ежели бы въ нашу гимназію былъ введенъ *обязательно* для нѣкоторыхъ учениковъ еще одинъ мертвый языкъ! *Какіе бы поднялись у насъ крики!!*

Вотъ, стало-быть, какъ обстоитъ дѣло въ Пруссіи. Посмотримъ же какъ оно обстоитъ у насъ. По прусскому учебному плану въ девяти классахъ дается въ недѣлю 258 уроковъ, или въ каждомъ классѣ 28 $\frac{1}{2}$ уроковъ. У насъ при 8-лѣтнемъ курсѣ 201 урока

(я не считаю ни въ томъ, ни въ другомъ планѣ уроковъ чи-
стописанія), изъ нихъ на математику употребляется 37 уро-
ковъ, на древніе языки 85 уроковъ, всего 122 урока, сред-
нихъ недѣльныхъ уроковъ — $25\frac{1}{6}$. Стало-быть наши гимназисты
учатся менѣе прусскихъ. Съ чего же у нашихъ является „пере-
утомленіе“? почему же намъ такой трудъ непосиленъ? Вѣдь въ
пользу нашей лѣни имѣется слишкомъ три урока въ недѣлю!
Да и число уроковъ по древнимъ языкамъ менѣе нежели у Пру-
саковъ. (Сохраняя пропорцію $\frac{258}{117} = \frac{201}{x}$ намъ слѣдовало бы
имѣть не 85 уроковъ, а $90\frac{1}{3}$, стало-быть и здѣсь облегченіе!)

Итакъ, мы видимъ, что требованія нашего гимназическаго учеб-
наго плана легче прусскаго и вообще, и въ частности относительно
древнихъ языковъ. Въ Германіи, какъ мы видѣли, считаютъ невоз-
можнымъ обойтись и въ высшихъ *реальныхъ* школахъ безъ сильнаго
преподаванія латинскаго языка. Какой же выводъ должны мы сдѣ-
лать изъ сравненія этихъ требованій? Тотъ справедливый и без-
пристрастный выводъ, что гоненіи на наши гимназии, крики на
непосильное будто бы обремененіе нашихъ несчастныхъ дѣтей—
лишены всякаго основанія! Что никакихъ измѣненій въ гимнази-
ческомъ уставѣ дѣлать не нужно, что, напротивъ, слѣдуетъ не-
уклонно его примѣнять и заботиться лишь объ устраненіи по-
бочныхъ причинъ, дурно вліяющихъ на наше учебное дѣло.

Такихъ побочныхъ причинъ существуетъ, мнѣ кажется, три.
На одну изъ нихъ указано выше — недостатокъ хорошихъ учи-
телей. На 161 существующую у насъ въ настоящее время гим-
назію набрать полный педагогическій персоналъ, конечно, не
легко; но это затрудненіе ежегодно уменьшается, по мѣрѣ выпуска
молодыхъ филологовъ изъ университетовъ и институтовъ; при-
томъ можно бы было способнѣйшимъ, лучшимъ преподавателямъ
поручать вести совмѣстно по два класса, т.-е. классы русскаго
языка и одного изъ древнихъ. Это практикуется за границей и
дастъ очень хорошіе результаты. Почему не слѣдовать этому
правилу и намъ?

Вторая причина неуспѣха состоитъ въ томъ, что въ обществѣ
все еще держится надежда на скорое отступленіе правительства
предъ напоромъ „общественнаго мнѣнія“. Недавно даже и такая
почтенная корпорація, отъ которой можно бы было ожидать бо-
лѣе просвѣщеннаго взгляда на образованіе, обратилась къ

правительству съ оффиціальнымъ ходатайствомъ о сокращеніи требованій по древнимъ языкамъ. Такія надежды и желанія, высказываемыя при дѣтяхъ, сопровождаемыя жалобами и бранью на „эти нѣкуда не годныя и никому не нужныя древніе языки“, конечно, сбиваютъ съ толку учениковъ и очень затрудняютъ успѣхи преподаванія. Можно ли допустить, чтобы въ Германіи, въ семействахъ, принадлежащихъ къ мало-мальски образованной средѣ, ребенокъ слышалъ брань противъ гимназій, въ которой онъ учится? Высшей администраціи не слѣдуетъ скупиться на выраженія своей неуклонной рѣшимости держаться усвоенныхъ имъ европейскихъ взглядовъ.

Есть, впрочемъ, возможность облегчить трудъ ученика—сокращеніемъ времени лѣтнихъ вакацій и числа безчисленныхъ нашихъ праздниковъ. У насъ воспитаникъ учится не болѣе 190 дней въ году, т.-е. не дѣлаетъ ничего почти полгода, у германскаго гимназиста прогульныхъ дней вдвое менѣе, нежели у нашего. У насъ въ праздники слѣдовало бы сократить лишь тѣ уроки, которые совпадаютъ съ богослуженіемъ. Присутствіемъ при богослуженіи и выразился бы праздникъ. Лѣтнія вакаціи у насъ вдвое длиннѣе нежели въ Германіи! При такихъ порядкахъ ученику нашей гимназій, конечно, приходится много учиться въ учебные дни. Точно также нѣтъ никакого повода не удлинить на одинъ годъ (курсъ) пребываніе ученика въ гимназій, это тоже облегчило бы его *мнимо* непосильный трудъ. Говорю *мнимо*, пбо въ Германіи отъ гимназиста требуется въ итогѣ *болѣе* труда нежели у насъ!

Двѣ вышеозначенныя причины, вредно вліяющія на воспитаніе, устранимы сами собою, при нѣкоторой твердости правительства; но есть еще одна причина, затрудняющая дѣло, и хотя и она устранима, однако дѣйствительно серьезна. „Нашимъ дѣтямъ дѣваться некуда“, говорятъ родители, „поневолѣ хлопчешь о томъ, чтобы какъ-нибудь помѣстить ихъ въ гимназій, гдѣ ему преподаютъ науки совсѣмъ ему ненужныя“; не подлежитъ сомнѣнію, что у насъ существуетъ полнѣйшая несоразмѣрность между количествомъ дѣтей и школами, гдѣ они могутъ найти образованіе, образованіе *соотвѣтствующее положенію ихъ семействъ и той средѣ, въ которой имъ придется жить и дѣйствовать по выходѣ изъ училища*, соотвѣтствующее ихъ будущности. Я предвижу обвиненія меня въ обскурантизмъ, ретроградности и другихъ ужасахъ, но это не помѣшаетъ мнѣ высказать слѣдующую мысль: Государство

должно, конечно, стремиться къ тому, чтобы поднять до максимум'а уровень образованія во всѣхъ классахъ народонаселенія, но это только *prim desiderium*, выраженіе принципіальнаго желанія, коего—безусловное и немедленное примвненіе—повело бы къ самымъ плачевнымъ результатамъ. Отчасти мы видимъ это именно у насъ: всѣ стремятся въ гимназій, а затѣмъ и въ университетъ; между тѣмъ, высшее образованіе далеко не можетъ быть удѣломъ всѣхъ и каждаго. Несомнѣнно, что дѣти выдающихся способностей, какого бы они ни были происхожденія, хотя бы крестьянскаго, должны получить полную возможность достигнуть высшаго образованія (что такія дѣти есть, это несомнѣнно, стобтъ вспомнить Ломоносова); воспитанникамъ съ *дѣйствительно выдающимися способностями* должна быть дана возможность идти въ гимназій и въ университетъ, но вообще высшее образованіе совсѣмъ не предназначено для всѣхъ; такая мысль идетъ въ разрѣзъ съ принципомъ государственнаго благоустройства—принципомъ правльнаго раздѣленія труда. Высшее образованіе должно быть удѣломъ, во первыхъ, наиболѣе способныхъ, могущихъ со временемъ двнгать науку, во вторыхъ, тѣхъ, которые при достаточныхъ умственныхъ способностяхъ, по положенію ихъ семействъ, предназначены къ участию въ управленіи государствомъ. Большинство требуетъ совершенно иного, оно думаетъ, и не безъ основанія, что въ ученіи оно найдетъ матеріальныя средства къ жизни, средства улучшить прежде всего свое матеріальное положеніе; но для этого оно гораздо болѣе нуждается въ реальномъ образованіи, могущемъ дать ученику возможность заняться какою-нибудь техничекою профессіей, нежели въ изощреніи своихъ мыслительныхъ способностей и приготовленіи себя къ занятію министерскаго кресла; именно къ такимъ требованіямъ, вопліѣ законнымъ, примвнима практическая латинская поговорка—*„primum vivere deinde philosophari“*. Но таково ли настоящее положеніе дѣла у насъ? очевидно, нѣтъ! Быть „философами“ и „управлять государствомъ“ призваны сравнительно очень не многіе¹, стало-быть и училища для образованія этихъ немногихъ должны быть въ меньшемъ количествѣ нежели училища профессиональныя; у насъ же выходитъ наоборотъ. Бюджетъ прогнм-

¹ „La culture desinteressée de l'esprit n'a jamais attiré que le petit nombre; tant, mieux! La république des lettres n'a pas besoin d'être trop démocratique.“ Дюрин.

назій, гимназій и университетовъ равняется девяти слишкомъ милліонамъ рублей, а бюджетъ разныхъ техническихъ и профессиональныхъ школъ Министерства Народнаго Просвѣщенія лишь 2.200.000 руб. Въ первыхъ обучаются 71.522 человекъ; во вторыхъ 20.218 (отчетъ 1884 года), очевидная несоразмѣрность.

Не подлежитъ сомнѣнію, что число нашихъ гимназій вполне удовлетворяетъ требованіямъ тѣхъ, которые имѣютъ поводъ желать, чтобъ ихъ дѣтямъ было дано классическое образованіе. Очевидно теперь слѣдуетъ заняться профессиональными училищами. Едва ли я ошибусь, утверждая, что ихъ должно быть по крайней мѣрѣ въ десять разъ болѣе нежели теперь, т.-е. на 200.000 воспитанниковъ (эти цифры относятся лишь до Министерства Народнаго Просвѣщенія).

Но изъ сознанія необходимости увеличить число профессиональныхъ школъ нисколько не вытекаетъ необходимость пониженія уровня образованія гимназическаго; скорѣе наоборотъ, учрежденіе реальныхъ училищъ въ достаточномъ количествѣ даетъ возможность усилить требованія гимназическаго образованія, довести его до уровня гимназическаго образованія германскаго; теперь въ гимназію поневолѣ стремятся всѣ, такъ какъ имъ некуда дѣвать своихъ дѣтей, а тогда большинство теперешнихъ кандидатовъ на гимназическую скамью направится въ профессиональную школу, и гимназія получитъ свой контингентъ изъ среды болѣе образованной и болѣе обеспеченной въ матеріальномъ отношеніи, а дѣтямъ такой среды очевидно будетъ, при одинаковыхъ умственныхъ способностяхъ, и легче учиться, нежели теперешнимъ гимназистамъ, принадлежащимъ къ средѣ немѣющей въ большинствѣ случаевъ ничего общаго съ классицизмомъ. Эти профессиональныя училища или реальныя, все равно какъ ихъ ни назовутъ, должны быть предназначены для достиженія строго спеціальныхъ цѣлей, не должны быть построены на нелѣпомъ планѣ давать какое-то широкое не существующее обще-человѣческое образованіе. Они должны давать знаніе, и притомъ знаніе спеціальное, легко примѣнимое; должно помнить, что дѣло состоитъ не въ разнообразіи и многочисленности предметовъ, а въ хорошемъ усвоеніи хотя одного изъ нихъ; non multa, sed multum. Дойти до основательнаго знанія и одного предмета, до такого его усвоенія, которое бы давало возможность не только примѣнять его къ жизни, но и самостоятельно развивать, идти

въ немъ далѣе, дѣло очень не легкое; это обыкновенно упускается изъ виду составителями нашихъ учебныхъ плановъ, представляющихъ изъ себя винегретъ, точно состряпанный по рецепту Гётевскаго Вагнера. *Zwar weiss ich viel, doch möcht ich Alles wissen!* Конечно въ итогѣ получается не только не *Alles*, а даже не *Viel*, а часто *Nichts*; т.-е. общія мѣста, исполняющія весьма неудачно должность общихъ мыслей, прищиповъ.

А. Киртевъ.

Павловскъ,
20 января 1890 г.

Изъ № 2 *Русскаго Обозрѣнiя.*

Дозволено Цензурой. Москва, февраля 18 дня 1890 г.

Университетская типогр., Страстной бульв.